

967/61

ДЖОРДЖ АСТОН

БРИТАНСКАЯ
КОНТРАЗВЕДКА
В МИРОВОЙ ВОЙНЕ



СОЦЭКГИЗ — 1939

Цена 3 р. 10 к.

Оптовая продажа: Москва, Куйбышевский проезд, 8, Главная контора „Политкнига“ Когиза.

Розничная продажа во всех киосках, магазинах и отделениях Когиза и райкультмагах потребкооперации.

Почтовые заказы посылайте в областные (краевые) отделения Когиза без задатка.

V.N. Karazin Kharkiv National University



00628739

5

АЗКОРАЖ АСГОИ - БРИТАНСКАЯ КОНТРАЗВЕДКА В МИРОВОЙ ВОЙНЕ

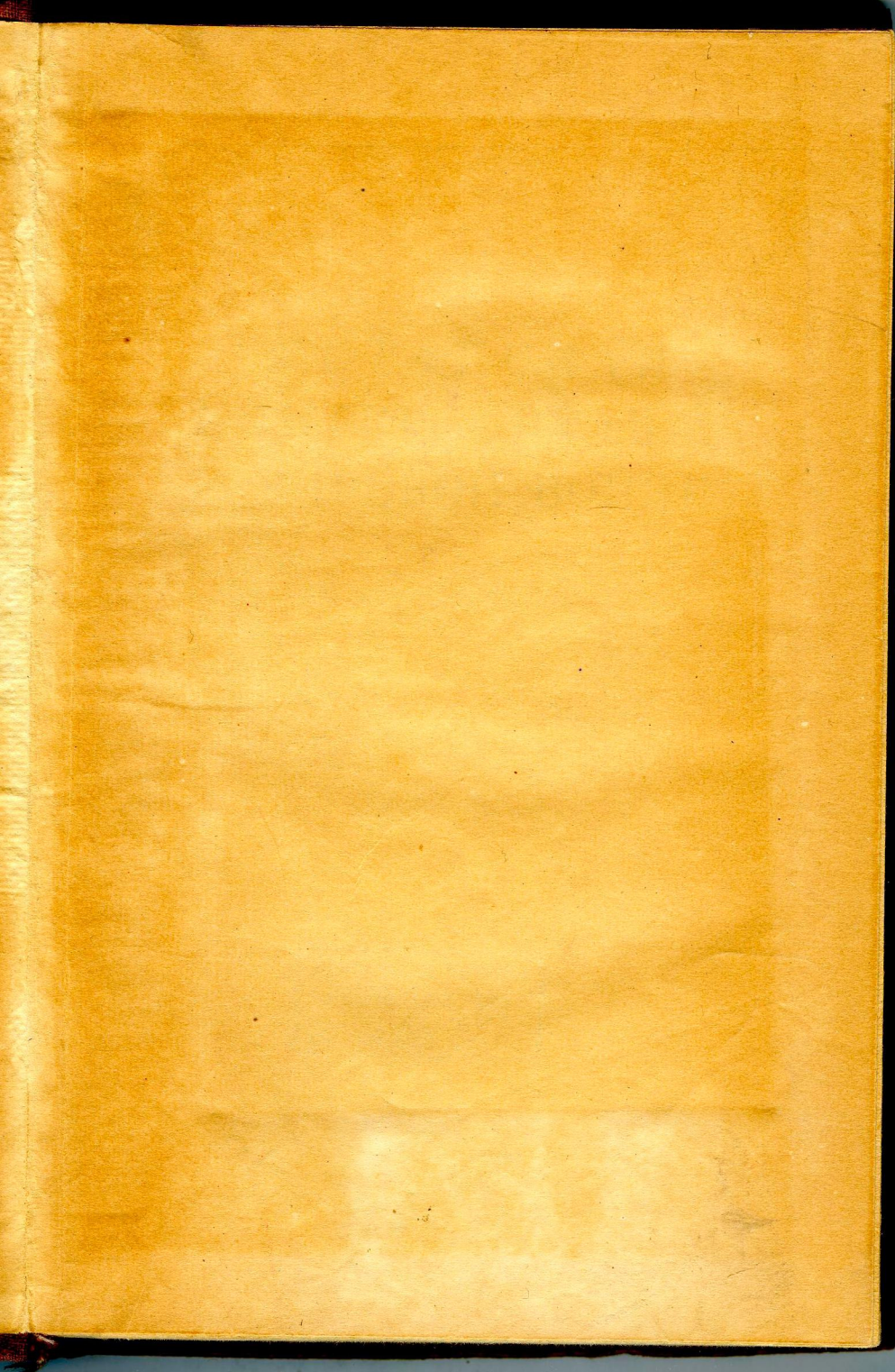
355.48.1

9 (42) 4 фисеринд

9 (4) 6

32.5.343

343.35



76

ДЖОРДЖ АСТОН

БРИТАНСКАЯ КОНТРАЗВЕДКА В МИРОВОЙ ВОЙНЕ

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО



64

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1939

02

Книга Д. Астона «Британская контрразведка в мировой войне», знакомя советского читателя и наших военных специалистов с методами разведочной и контрразведочной работы в период мировой войны, будет способствовать укреплению мобилизационной готовности советского читателя в условиях международного капиталистического окружения и повышению его политической бдительности. Книга Астона дает также ценный материал по истории мировой войны, полезный для советских военных специалистов.

Д. АСТОН — БРИТАНСКАЯ КОНТРРАЗВЕДКА В МИРОВОЙ ВОЙНЕ. Соцэкгиз 1939.

Редактор Г. ГЕРМАЙДЗЕ

Техред О. ГУРОВА

Корректоры: З. Пупол и А. Ильина

Сдано в набор 27/IX 1938 г. Подписано в печать с матриц 4/XII 1939 г. Формат 84×108¹/₃₂. Печ. л. 15¹/₂. Уч.-авт. л. 14,727. Тираж 10.000 экз. Серия: Популярная. Уполн. Главлита № А-21931. Огиз № 2133. Заказ № 4676/№ 4727. Цена книги 2 р. 50 к. Переплет 60 к.

1-я Образцовая тип. Огиза РСФСР треста «Полиграфкнига». Москва, Валовая, 23.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Развертывание новой империалистической войны в Европе происходит в новых, по сравнению с первой мировой империалистической войной, условиях, в первую очередь, в том отношении, что новым, огромным международным фактором выступает единственная во всем мире социалистическая держава, СССР, с самостоятельной, неуклонно последовательной политикой мира. Принципы внешней политики СССР даны товарищем Сталиным в его докладе на XVIII съезде ВКП(б):

«1. Проводить и впредь политику мира и укрепления деловых связей со всеми странами;

2. Соблюдать осторожность и не давать втянуть в конфликты нашу страну провокаторам войны, привыкшим загребать жар чужими руками...»¹

На основе указанных принципов, в итоге гениального разоблачения товарищем Сталиным истинных намерений британского империализма, не только удалось сорвать маску «миролюбия» и «миротворчества» с поджигателей новой мировой войны, стремившихся под предлогом организации «единого мирного фронта» спровоцировать столкновение между Германией и СССР, при обеспечении за собой роли *tertius gaudens*², но и эффективными мерами — договором СССР с Германией о ненападении и последующим договором о дружбе и границе между СССР и Германией — создать прочную основу для обеспечения мира в Восточной Европе и в то же время могущественное орудие для достижения мира и дружбы между народами во всем мире. Это с огромной силой сказалось в одновременном обращении правительств СССР и Германии к Англии и Франции с призывом к ликвидации их войны с Германией, что «отвечало бы интересам всех народов». И если империалистические правительства современной Англии и идущей в фарва-

¹ Сталин, Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б), Госполитиздат, 1939, стр. 18.

² Третий радующийся.

тере ее политики Франции остались глухими к этому призыву, то для рабочих и широких масс трудящихся Англии и Франции и всего мира становится все более ясным империалистический смысл этой войны, единственной целью которой является борьба британского империализма за сохранение мирового господства и обеспечение эксплуатации сотен миллионов колониальных рабов — борьба, которая обрекает миллионные массы трудящихся на тяжелые страдания и муки войны.

* * *

В свете происходящей второй империалистической войны вопрос о роли английского империализма в мировой войне приобретает особый интерес. Чрезвычайно поучительно, следуя указаниям Ленина на необходимость тщательного изучения не только экономики, но и внешней политики империализма, изучить в этом разрезе предлагаемую вниманию советского читателя работу Джорджа Астона «Британская контрразведка в мировой войне».

Особое значение в этом отношении приобретает личность самого автора. Перед нами не рядовой разведчик, а один из высших руководителей британской Secret Service, сочетающий многогранный опыт всех видов разведки: военно-морской, военно-сухопутной, колониальной разведки с ее специфически-британскими приемами, «экономической» разведки (читай — вредительства и диверсионных актов в отношении промышленности иностранных государств) и военной «пропаганды», задача которой состоит в том, «чтобы тайными или другими путями внести дух разложения в политические и военные круги неприятеля и ускорить его крушение или поднять дух своего народа в тяжелые минуты» (стр. 233).

Астон выступает, таким образом, как собирательная фигура и воплощение опыта и многообразной деятельности знакомых нам персонажей британской разведки, начиная с пресловутого героя британской колониальной разведки полковника Лоуренса, чью «деятельность» среди арабских племен, подвластных королю Файсалу, он определяет, как «поэму» и кончая подвизавшимися у нас шпионами типа Локкарта и вредителями типа Армстронга и других.

При этом Астон с полным основанием может быть назван живой историей британской контрразведки, в создании и развитии которой он принимал непосред-

ственное участие в течение сорока лет: начав с рядового чиновника по «сводкам» в военно-морской разведке в младенческий ее период, с 1881 г., он затем переходит на «практическую» работу в разведывательных органах средиземноморской эскадры; проделывает в качестве руководителя разведки две колониальные кампании — в англо-бурской войне 1899—1902 гг. под начальством Робертса и по покорению Судана под начальством другого столпа британского империализма — Китченера; с 1908 по 1913 г. Астон — начальник штаба и разведки британской армии в Южной Африке, где он занят, главным образом, «собираанием сведений» о положении в Германской юго-западной Африке, особенно в период Агадирского инцидента 1911 г., после чего с 1913 года назначается на руководящий пост в Secret Service.

Значение книги Астона выходит далеко за пределы истории и «теории» одной только разведывательной работы. Деятельность Intelligence Service и Secret Service на протяжении всей истории британского империализма всегда находилась в тесном «контакте» с британскими министерствами иностранных дел, колоний и военно-морских дел, и автор, находясь, по его образному выражению, «в центре паутины, которая должна была с течением времени опутать все части света» (стр. 35), был не только прекрасно осведомлен об основных пружинах внешней политики британского империализма, но и принимал активнейшее участие в намечении и реализации важнейших военных мероприятий британского генерального штаба в период, предшествовавший мировой войне и в течение всей мировой войны. Вот почему книга Астона нас интересует в первую очередь как один из важных первоисточников по истории внешней политики британского империализма и, в частности, по истории мировой войны, как немаловажное дополнение к военным мемуарам Ллойд Джорджа, Эдуарда Грея и др.

* * *

Первый этап (1855—1887 гг.) — период раннего британского империализма, — период, характеризующийся англо-французским колониальным соперничеством и англо-русским соперничеством на Ближнем Востоке и в Передней Азии. Этому периоду, когда Британия признавалась всеми «владычицей морей», соответствует младенческое состояние британской военно-морской контрразведки. «Мы так низко расценивали флоты других стран, что предста-

вителям иностранных держав разрешали почти свободный доступ во все наши доки и в другие морские предприятия и учреждения. Считалось, что, чем лучше они будут знать наш флот, тем меньше будет опасность осложнений с иностранными державами» (стр. 30). Уверенность британского империализма того периода нашла свое выражение в ура-патриотическом угаре, охватившем Англию времен Биконсфильда, когда британский флот воспрепятствовал взятию Константинополя победоносными русскими армиями и когда Англия на Берлинском конгрессе 1878 года, мобилизовав за дипломатическим столом против России основные европейские державы и бросив Франции колониальную подачку в Северной Африке, свела к нулю блестящие успехи русского оружия в русско-турецкой войне. Конфликт с Россией в 1878 году (период «почетного мира») вызвал к жизни «джингоистов», которые в своей ура-патриотической песенке хвастливо заявляли, что «если дело до драки дойдет, — у нас и корабли, у нас и люди и деньги для победы» (стр. 27). Отсюда пренебрежительное отношение к сухопутной армии; Астон с иронией описывает состояние зародыша будущей Secret Service, — ранее образованного «под влиянием скандального провала в Крымской кампании 1855 г.» «Отдела топографии и статистики», «деятельность которого, повидимому, сводилась, главным образом, к изучению топографии иностранных государств. Численность и организация иностранных армий считались делом второстепенным, и их изучение отодвигалось на задний план» (стр. 16—17).

Состояние военно-морской разведывательной работы находилось на низком уровне. Уверенность в военно-морской гегемонии была столь сильна, что до 1887 г. не существовало самостоятельного отдела военно-морской разведки, который должен был специально заниматься собиранием и разработкой сведений об иностранных военных флотах и береговой обороне.

Из опыта франко-прусской войны 1870—1871 гг. автор выводит основной урок, который заключался в том, что «в современных условиях войну можно выиграть лишь при тщательной подготовке военных действий». А для этого необходимо иметь сведения о состоянии военно-морских сил противника. «Как в то время (речь идет о посещении автором Меца в 1891 г. в порядке «военно-производственной практики». — *Ред.*), так и сейчас, — говорит Астон, — я держусь мнения, что основная причина страха, испытываемого нациями континента перед своими

соседями,— не столько потенциальная мощь армий, сколько состояние немедленной готовности, в которой эти армии поддерживаются. Когда страх достигает высшей точки, начинается война» (стр. 39).

Хотя вопрос быстрой мобилизации учитывался в работе военного министерства, но, по утверждению морского лорда адмиралтейства в 1886 г. Бересфорда, «в случае внезапной войны в военно-морских кругах наступит полнейшая неразбериха и... Британия может потерпеть поражение на море» (стр. 27). Если эта безмятежность британского империализма покоилась на уверенности во флоте, то в отношении подготовки к сухопутной войне дело обстояло плачевно (см. стр. 27).

Уже с 90-х годов на сцену выступает конкурент Англии — бурно развивающаяся империалистическая Германия, претендующая на «место под солнцем» и требующая колониального передела. Когда, несмотря на временные соглашения с Германией о признании ее колониальной экспансии в Юго-Западной Африке, в уплату за «нейтралитет» Германии в англо-бурской войне, Англия в 900-х годах получает «конфиденциальные сведения о том, что Германия собирается форсировать выполнение своей программы военно-морского строительства», Англия, по откровенному признанию Астона, начинает готовиться к войне. Это дает резкий толчок к лихорадочному разворачиванию деятельности британской контрразведки в 900-х годах.

Резко усиливается работа не только военно-морской, но и военно-сухопутной разведки. «В военных кругах, — пишет автор, — предполагали, что отправкой в *помощь французам* (курсив наш. — *Ред.*) британской армии из шести дивизий будет создан необходимый для победы перевес сил» (стр. 43). Уже в то время начинается лихорадочное формирование территориальных армий в порядке подготовки к войне. Это указывает, что Англия уже в тот период расценивала Германию как основного противника в будущей мировой войне.

Анализируя причины мировой войны, В. И. Ленин в статье «О сепаратном мире» указывает на эти англо-германские противоречия:

«Война порождена империалистскими отношениями между великими державами, т.-е. борьбой за раздел добычи, за то, кому скушать такие-то колонии и мелкие государства...»¹ Эти империалистические столкновения

¹ Ленин, Соч., т. XIX, 3-е изд., стр. 280.

«подготавливались *всей* политикой этих держав за *несколько десятилетий*, предшествовавших войне. Англия воюет за то, чтобы ограбить колонии Германии и разорить своего главного конкурента, который бил ее беспощадно своей превосходной техникой, организацией, торговой энергией, бил и побил так, что без войны Англия *не могла* отстоять своего мирового господства»¹.

Признание Астона о подготовке Англии к войне с Германией еще более подчеркивает лицемерную и неискреннюю политику тогдашнего британского министра иностранных дел сэра Эдуарда Грея, который фактически развязал аппетиты Германии, поощрив ее к объявлению войны своей мнимой нерешительностью. На это, между прочим, указывает в своих военных мемуарах Ллойд Джордж, утверждающий, что если бы Грей заблаговременно предупредил Германию о выступлении Англии против нее в случае ее нападения на Францию или Бельгию, то Германия не решилась бы воевать. Признание Астона является лишним доказательством неискренности и лицемерия британской дипломатии, *желавшей* войны с Германией и подготовлявшейся к ней, одновременно мобилизуя «союзников» для того, чтобы отстоять свое мировое господство. Больше того, у Астона мы находим признание, что в планы британского генерального штаба *зادолго* до войны входило занятие Бельгии и даже Голландии, как военного плацдарма против Германии.

«Как только лорд Холден, лучший военный министр Англии в новейшее время, создал экспедиционный корпус, мы разработали, как нам полагалось, различные проекты использования его при всех мыслимых условиях в любой части света, *включая Бельгию. Начиная с 1906 г. наш проект предусматривал использование этого корпуса в первую очередь в Бельгии...*» (стр. 47. — Курсив наш. — *Ред.*). «Одно время британские военные власти считали наиболее целесообразным *послать армию морем в Антверпен*, не учитывая того факта, что оба берега Шельды принадлежат Голландии» (стр. 48. — Курсив наш. — *Ред.*).

Тем самым опровергается, как лицемерное и совершенно лживое утверждение Грея, повторяемое англо-французскими «социалистами», якобы Англия вступила в войну с целью защиты Бельгии и «малых» народов против германского империализма.

¹ Ленин, Соч., т. XIX, стр. 281.

Ленин в следующих словах разоблачает этот рассчитанный на обман масс гнусный маневр британской дипломатии: «Англо-французская буржуазия обманывает народ, говоря, что ведет войну за свободу народов и Бельгии: на деле она ведет войну ради сохранения награбленных ею непомерно колоний. Германские империалисты сразу освободили бы Бельгию и пр., если бы англичане и французы «по-божески» поделили с ними свои колонии — своеобразие положения заключается в том, что в этой войне судьбы колоний решаются войной на континенте»¹.

Если социал-империалисты и социал-предатели из II Интернационала, в период первой мировой войны повторявшие вслед за Греем легенду об империалистической Англии, как защитнице Бельгии, могли бы кой-чему поучиться у прожженного матерого разведчика Астона, которому, конечно, лучше, чем им, были известны тайны и планы британского генерального штаба, то в наши дни французский «социалист» Блюм, из кожи лезущий вон, чтобы убедить французских и английских рабочих в том, что «лондонские купцы и банкиры из Сити... начали войну во имя свободы Европы, во имя цивилизации», получает урок от откровенно-империалистического реакционного журнала «Нейшенел ревью». «Мы деремся, — пишет журнал, грубо одергивая Блюма, — не за интересы демократии. Мы деремся за спасение Англии...» (цитирую из статьи «Правды» от 23 октября 1939 г.). Еще и еще раз надо вспомнить пророческие слова Ленина о II Интернационале, как о разлагающемся трупе.

В какой мере Англия была готова к первой империалистической войне? Несмотря на явное желание Астона на протяжении всей работы доказать, что британская контрразведка оказала «неоценимые» услуги британскому оружию; несмотря на стремление показать достоинства английской разведки сравнительно с германской, для чего дается весьма спорная и сомнительная сравнительная характеристика методов их работы с подчеркиванием гибкости приемов английской разведки и инициативности английских шпионов сравнительно с «муштрою» и однотипностью массовых мероприятий германских шпионов, которые, якобы, могут действовать лишь «по готовому плану, придерживаясь его буквы», и беспомощны без руководителей; несмотря на приводи-

¹ Ленин, Соч., т. XVIII, стр. 196.

мый ряд эпизодов из деятельности британской разведки на европейском и азиатском фронте, относящихся чаще к категории военных хитростей, чем к большим достижениям военной разведки, — несмотря на все это через всю книгу Астона красной нитью проходит сознание неподготовленности Англии к этой войне, начиная с неготовности береговой обороны самой Англии (ср., напр., на стр. 40 эпизод об отправке извозчиков и таксомоторов из зоны ожидаемого десанта в глубь страны, чтобы ими не мог воспользоваться вторгшийся неприятель) и кончая скверно поставленным снабжением (ср., напр., на стр. 63—64 интересные подробности налета на Остенде, где Астон описывает отсутствие самых необходимых предметов снаряжения: патроны без обойм, отсутствие пулеметов, приспособлений для сигнализации и т. д.). Военная разведка также не была на высоте: как результат «плохо сохраненной тайны» — скандальный провал галлиполийской экспедиции, стоившей огромных жертв, как боевыми судами, так и людьми в десантной армии; неудачный исход ютландского морского боя, где германскому адмиралу Шееру не только удалось, благодаря плохой работе английской морской разведки, ускользнуть от значительно превосходящих его эскадру сил британского флота, но и нанести серьезные удары британскому флоту, потопив и выведя из строя ряд крупных боевых единиц; тяжелые удары, понесенные британскими армиями, — главным образом, пятой британской армией Гоуфа на амьенском фронте; неограниченная подводная война Германии, которая почти поставила на колени Англию; сквозящий во всей книге ужас при описании тяжелых поражений англо-французских войск и прямое признание того, что без помощи США Англия и Франция потерпели бы решительное поражение — все это, наряду с тем, что Астон вынужден воздать должное блестящей подготовке германской армии и высокому уровню германской разведки и ее начальнику Николаи, свидетельствует о том, что Англия в отношении подготовки к войне не была на должной высоте.

Причина заключалась в том, что британский империализм, по своей традиции привыкший «загрывать жар чужими руками», никогда не помышлял о серьезной подготовке к войне *своими собственными силами*. Британский империализм на протяжении всей своей истории (и еще ранее, в период наполеоновских войн) покупал «союзников» в качестве ландскнехтов, доводя их до

обессилению и загибая потом жар их руками. Эту традицию британского империализма подчеркивает известный британский военный специалист, генерал Фуллер, опубликовавший в американском военном журнале «Арми орднэнс» статью «Состояние английской обороны» («Правда» от 8/X 1939 г.). Оказывается, что и в настоящее время, по мнению Фуллера, сказываются те же традиции британской подготовки новой мировой войны «чужими руками», причем Фуллер приходит к скептическому выводу о готовности Англии к настоящей войне.

«В настоящее время в Европе,—пишет Фуллер,—столкнулись две политические системы, и обе они своими корнями уходят в наполеоновские войны. Одну из них я буду называть английской системой, а другую — прусской. Первая успешно выдержала испытание в длительном конфликте той эпохи. Она была основана на накоплении кредита, который в мирное время финансировал торговлю, а во время войны давал возможность покупать союзников — фактически наемников, которые сражались за дело Англии. Прусская система возникла из идеи всеобщей воинской повинности. После падения Наполеона она была развита в Пруссии в идею вооруженной нации. Главным апостолом этой системы был генерал Карл фон Клаузевиц».

Но и покупая «союзников», британский империализм не выполнял своих материальных обязательств перед ними. Астон «оправдывает» то обстоятельство, что Британия не помогла России снаряжением и людьми, тем, что, дескать, не было путей, по которым можно было организовать их доставку для России (стр. 166). Какой неприкрытый цинизм! Оказывается, те пути, по которым доставлялось русское пушечное мясо во Францию, были закрыты для доставки в Россию английского снаряжения. Это неслучайно, ибо английский империализм делал ставку на *истощение* всех стран, которых он втягивал в войну во имя своих интересов.

Как не вспомнить нынешнюю политику британского империализма с его Лондонским комитетом по невмешательству, предавшим республиканскую Испанию, с его Мюнхенским соглашением, предавшим Чехословакию, с его провокационным поведением в отношении к Польше, которая должна была сыграть для британского империализма роль Бельгии, как средство для того, чтобы зажечь новый мировой пожар. Аналогия поразительная *до деталей* — вплоть до циничного заявления Чем-

берлена, — точь-в-точь, как это делает в своей книге Астон, — что Англия не могла послать самолетов в помощь Польше «за дальностью расстояния».

И для польских трудящихся и для трудящихся всего мира ясно, что заявление Чемберлена о том, что война ведется во имя восстановления Польши, а затем для «уничтожения гитлеризма», лживо от начала до конца и что подлинные причины объявления Англией войны Германии заключаются в стремлении британского империализма к сохранению своей колониальной монополии, сохранению своей необъятной колониальной империи с 450 миллионами колониальных рабов.

Ныне, однако, — не 1914—1918 годы. Вместо царской России, поставлявшей за деньги британскому империализму на убой русских рабочих и крестьян, выросла могучая социалистическая держава, которая благодаря гениальному водительству товарища Сталина сумела расшифровать очередные империалистические интриги Англии и выбить карты из рук британского империализма; вопреки расчетам последнего на то, чтобы втравить СССР в войну с Германией, СССР, учтя уроки истории, которая показала, что «вражда и войны между нашей страной и Германией были не на пользу, а во вред нашим странам» и что «самыми пострадавшими из войны 1914—18 годов вышли Россия и Германия»¹, заключил договор о ненападении, а затем о дружбе и границе между СССР и Германией. В Восточной Европе возник могучий оплот мира, — в то же время оплот мира и дружбы между народами во всем мире, ибо «мир между народами Советского Союза и Германии соответствует интересам всех народов, интересам всеобщего мира»².

«Главное значение советско-германского договора о ненападении заключается в том, что два самых больших государства Европы договорились о том, чтобы положить конец вражде между ними, устранить угрозу войны и жить в мире между собой... Недовольными таким положением дел могут быть только поджигатели всеобщей войны в Европе, те, кто под маской миролюбия хотят зажечь всеевропейский военный пожар»³.

Советский Союз был и остается оплотом мира и дружбы всех народов. Британский империализм и вовле-

¹ *Молотов*, О ратификации советско-германского договора о ненападении, Госполитиздат, 1939, стр. 12.

² Там же, стр. 15.

³ Там же, стр. 13.

ченная в его орбиту империалистическая Франция должны крепко призадуматься над предложением СССР и Германии прекратить войну. То обстоятельство, что в результате этого договора мощь СССР как международной силы неизмеримо выросла, что к нему тянутся малые народы; что пакты о взаимной помощи с Эстонией, Латвией и Литвой укрепили оборонную мощь СССР, как на суше, так и на море, и в то же время дали надежную защиту упомянутым малым государствам, которые без этого могли стать легкой жертвой больших империалистических государств, — все это дает в распоряжение великой Страны социализма достаточные силы, чтобы неуклонно продолжать борьбу за укрепление своей безопасности, за мир и дружбу народов во всем мире. В Англии и Франции ширится движение за мир, и последнее слово принадлежит массам, которые начинают понимать преступный империалистический характер войны и требовать ее немедленного прекращения.

* * *

Таковы политические уроки, которые вытекают из изучения книги Астона, — уроки, вытекающие из сравнения роли британского империализма в первой мировой войне и в современной империалистической войне в Европе. Но вместе с тем, читая книгу Астона, мы должны еще и еще раз вспомнить указание товарища Сталина о необходимости быть бдительными в условиях капиталистического окружения, особенно в современной сложной международной обстановке. Читая описание всевозможных «подвигов» британской разведки, мы должны помнить, что, несмотря на ряд ее неудач в истекшей мировой войне, она все же является одной из вероломнейших и наиболее вооруженных огромным, насчитывающим столетия, опытом разведок. Надо помнить, что, по откровенному признанию Астона, основной ее девиз — «вводить в заблуждение противника» и что поэтому мы должны удешевить свою бдительность, памятуя слова товарища Сталина из его письма к т. Иванову:

«Нужно весь наш народ держать в состоянии мобилизационной готовности перед лицом опасности военного нападения, чтобы никакая «случайность» и никакие фокусы наших внешних врагов не могли застигнуть нас врасплох».

Г. Гермаидзе

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Пока существует возможность войны, все страны должны располагать сведениями о вооруженных силах иностранных государств, о степени их подготовленности и вероятной расстановке в случае войны. Прежде чем обратиться к главной теме этой книги — к той роли, которую играла разведка во время мировой войны 1914—1918 гг., — я вкратце излагаю развитие британской разведывательной службы и привожу некоторые личные воспоминания. Эти воспоминания, которым посвящены главным образом новые главы книги, приведены отчасти для того, чтобы обрисовать сорокалетний опыт разведывательной работы автора, а также для того, чтобы облегчить читателю возможность подойти с точки зрения автора к оценке кульминационного пункта мировой войны.

При изложении событий мировой войны автор ставил себе задачей рассказать, поскольку это возможно без ущерба для интересов нации, о той информации, которой располагал командный состав во время важнейших операций на суше и на море, а также о способах, какими эта информация получалась. При этом автор основывался главным образом на свидетельствах современников описываемых событий, стремясь по возможности обходиться без собранных впоследствии сведений, на основании которых легко ориентироваться задним числом.

Некоторые книги по истории войны и писания многих кабинетных публицистов изобилуют критикой по адресу командования армии и флота, основанной на данных, которыми не располагали своевременно люди, несущие ответственность за принятие того или иного решения. Хемли в своей книге «Военные операции» рекомендует человеку, серьезно изучающему предмет, представить себя в положении военного командира, составляющего план кампании или отвечающего за расстановку сил в сражении; затем закрыть книгу и решить, как он сам поступил бы в подобных условиях, а после этого прочесть, что сделал командир в действительности. Совет этот превосходен,

но он совершенно не помогает критикам, которые не могут знать, что было известно командиру о силах неприятеля и его намерениях.

Чтобы дать полное описание деятельности разведки и контрразведки за богатые событиями годы мировой войны, пришлось бы написать историю самой войны. В этой книге я счел целесообразным сосредоточиться на нескольких выдающихся событиях и на тех сторонах деятельности разведывательной службы, которые определенно повлияли на исход этих событий. Я начинаю с описания деятельности довоенной британской контрразведки и значения добытых ею результатов для успешного отступления британского экспедиционного корпуса от Монса в августе 1914 г.; книга заканчивается описанием крупнейших событий 1918 г., в которых принимали участие военные силы Британской империи.

Сведения, на которых основаны главы о мировой войне, почерпнуты отчасти из моего личного опыта, приобретенного на разных официальных постах, отчасти из достоверных сообщений моих личных друзей, служивших во флоте, армии и в авиации и принимавших непосредственное участие в описываемых событиях. Я выражаю им свою глубокую признательность. Главы VI, VIII и XII, где речь идет о деятельности и судьбе некоторых иностранных шпионов, основаны частично на личных наблюдениях, но в большей степени на опубликованных материалах; в частности — дело германских секретных агентов Лоди и Мюллера изложено по книге Фелстэда «Германские шпионы, припертые к стене», которая, как обозначено на ее титульном листе, получила визу военного министерства. Некоторые подробности, касающиеся личностей и имен искусных расшифровщиков (см. гл. XIV), опущены в государственных интересах по совету крупного авторитета в вопросах разведывательной службы. Некоторые секретные сигналы ютландской битвы, первоначально включенные в главы IX и X, опущены из тех же соображений.

В заключение я выражаю свою благодарность некоторым представителям высшего командования, любезно взявшим на себя труд проверить сообщения о лично им известных делах, а также моему другу капитану Лиддль-Харту за его помощь при чтении корректур и, наконец, «Иксу» (так я обозначаю псевдоним лица, ограждавшего интересы государства).

Сентябрь 1930 г.

Д. А.

ГЛАВА I

СОЗДАНИЕ ВОЕННОЙ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЙ СЛУЖБЫ

(1865—1914)

Черты пресловутого «Джон-Булля» — упрямство и ту-
пость, — которые до мировой войны приписывались бри-
танской армии, оказали большую услугу лицам, занимав-
вшимся военной разведкой. Последующие страницы этой
книги дадут некоторое представление о постановке этого
дела к августу 1914 г.

Разведывательная служба военного министерства раз-
вивалась очень медленно. Впервые я познакомился с ней
в 1886 г., когда различные отделы министерства, сосре-
доченные теперь в большом здании в Уайтхолле¹, были
разбросаны в различных помещениях, частично в военном
министерстве на Пел-Мел, против нынешнего здания клуба
армии и флота, отчасти в конногвардейских казармах в
Уайтхолле. Отдел разведывательной службы, более позд-
нее образование в системе военного министерства, прию-
тился на улице Куин-Эннис-Гейт.

Знаменательна история возникновения этого отдела
в свете легенды о «глупом Джон-Булле». Между битвой
при Ватерлоо и крымской войной британское обществен-
ное мнение очень мало интересовалось боеспособностью
армии. Это привело к обычному результату: при первом же
испытании вся военная система развалилась. Под влиянием
скандального провала в крымской кампании в 1855 г. был
создан «Отдел топографии и статистики», деятельность
которого, повидимому, сводилась главным образом к изу-
чению топографии иностранных государств. Численность
и организация иностранных армий считались делом второ-

¹ Уайтхолл — квартал в Лондоне, где помещаются правительствен-
ные учреждения. — *Прим. перев.*

степенным, и их изучение отодвигалось на задний план. Когда воспоминания о скандальных событиях крымской кампании отошли в прошлое, этот отдел погрузился в длительную спячку до тех пор, пока общественный интерес не был возбужден поразительными успехами германской армии в войне с Австрией в 1866 г. и с Францией в 1870 г.

Слово «мобилизация» приобрело в то время какой-то магический смысл. Мобилизации приписывалась быстрота, с какой немцы одержали победу над французами, которых до того считали вполне подготовленными к войне «до последней пуговики на штиблетах». На деле оказалось — немцы заранее продумали свою задачу во всех деталях. Мобилизация требовала предварительной подготовки, а подготовка была невозможна без соответственной осведомленности. В верховном руководстве британской армии были лица, которые интересовались только вопросами военного строя и муштры. Они считали, что дисциплина — все и что она зависит главным образом от строевых упражнений, парадов, чистоты и блеска оружия, хотя бы и совершенно негодного для боевой обстановки. Чем более неудобной была форма одежды и чем бесполезнее снаряжение солдата, тем строже были требования дисциплины, которая должна была превозмочь все. Опасным считалось давать солдату право думать. Он не должен был задаваться вопросом «отчего и почему?» На опыт американской гражданской войны 1861—1864 гг. не обращалось внимания.

После 1870 г. вся Европа смотрела на немецких солдат снизу вверх, считая их лучшими солдатами в мире. Стали копировать их обмундирование. Особенное восхищение вызывали их каски. В Британии отказались от старых головных уборов, принятых в артиллерии, инженерных войсках и пехоте, и ввели напоминающий немецкую каску безобразный медный шлем с шишкой. Этот шлем существует до наших дней.

В попытках реформы армии были и здоровые начала, но они не были доведены до конца. Под влиянием опыта 1870 г. отдел топографии и статистики, посвящавший свой досуг вычерчиванию художественно орнаментированных топографических карт, очнулся от долгого сна: были, наконец, привлечены новые офицеры для собирания и классификации сведений об иностранных армиях. Среди пионеров военной разведки мы находим лорда Кромера, в то время лейтенанта Беринга, впоследствии снискавшего славу в Египте.

Сознание, что британская армия предназначена хотя бы частично для ведения войны, стало укрепляться, а вместе с ним выявилась необходимость иметь сведения об иностранных армиях. В результате 1 апреля 1873 г. был создан самостоятельный отдел разведки, подчиненный генерал-адъютанту армии. В числе видных военных работников, назначенных в новый отдел, мы находим покойного сэра Хожера (в то время капитана), выдающегося военного деятеля, бывшего секретарем королевской комиссии по обороне Британской империи и в качестве специалиста по судоходству состоявшего одновременно секретарем в пароходстве Ллойда. Он был тестем Уинстона Черчилля.

В те далекие времена офицерам топографического и разведывательного отделов приходилось систематически менять помещение для работы. Одно время ареной их деятельности был дом на улице Адельфи-террас близ театра и отеля Савой. Затем их пристанищем служили каретный сарай и конюшня близ правительственного здания в Уайтхолле. После того они более удобно расположились в доме (впоследствии снесенном) в конце Уайтхолла, на Нью-стрит, Спринг-Гарденс; и, наконец, в 1874 г. они нашли более прочное место в Адейр-хаузе, неподалеку от старого здания военного министерства, где они пробыли 10 лет.

С этого времени можно отметить начало соперничества в штабе армии между отделом генерал-адъютанта и отделом генерал-квартирмейстера. В разное время относительное значение каждого из них зависело от личности возглавлявших их начальников. Начиная с 1875 г. отдел разведки приобретал все большее значение. Укреплялось сознание, что военное ведомство создано для ведения войны и что к ней, как показали немцы в 1870 г., необходимо готовиться волей-неволей в мирное время. Разведывательную службу начинают признавать, после чего она изымается из ведения генерал-адъютанта и передается генерал-квартирмейстеру.

Военные власти все еще находились под влиянием королевской комиссии Пальмерстона, утвердившей в начале шестидесятых годов мнение, что значение береговых укреплений отодвигает на задний план роль военных кораблей. Это мнение основывалось на том, что с введением парового двигателя потерял значение давнишний принцип Рэ-лея, гласивший, что чужеземным десантным армиям нужно дать бой на море до того, как они «набьют свои желудки нашими кентскими каплунами». В эти ранние годы служба

разведки занималась главным образом изучением вопроса, как справиться с иностранной десантной армией после ее высадки, причем британский военный флот сбрасывался со счетов.

В вопросах военной политики прислушивались к голосу королевских инженерных войск: в связи с деятельностью разведывательного отдела мы встречаем имя покойного сэра Джона Ардага, высокообразованного специалиста по саперным работам, человека с широким кругозором. Я познакомился с ним во время суданской войны в 1884 г., в связи с десантом в Тринкитате, который предшествовал битвам при Эльб-Теб и Тамаси, и высоко ценил его дружбу и руководство в последующие годы.

К 1884 г. «разведка» при военном министерстве была переведена из Адейр-хауза (на Пел-Мел) в удобный дом старой постройки на Куин-Эннис-Гейт, расположенный над Сент-джемским парком; отсюда открывался вид на Букингемский дворец.

Здесь в 1886 г. я с пользой провел много часов в беседах с офицерами военной разведки, успевшими накопить большой опыт. От них я узнавал, как заставить действовать главные правительственные учреждения, обычно беспрерывно обсуждавшие разные вопросы, но на деле ничего не предпринимавшие. Когда главой отдела разведки на Куин-Эннис-Гейт стал покойный сэр Генри Брекенбери, артиллерист, с хорошей головой и большими административными способностями, ему удалось доказать, что собирание сведений об иностранных армиях является лишь средством для достижения какой-то цели. Надлежало сделать следующий шаг и уяснить себе, как наилучшим образом использовать собранную разведкой информацию. Наконец, был усвоен урок, который преподала миру прусская армия в 1870 г. своей быстрой мобилизацией, — тогда в сферу деятельности Брекенбери были включены вопросы мобилизации.

В 1887 г. возглавляемый Брекенбери отдел разведки был подчинен покойному лорду Уоллсли, который в качестве победоносного военачальника пользовался большим авторитетом в военных и политических кругах. Затем отдел генерал-адъютанта поглотил организацию, созданную Брекенбери. В 1888 г. секция, занимавшаяся вопросами мобилизации и прочими делами, не относящимися к иностранной разведке, была переведена в военное министерство на Пел-Мел, а Брекенбери, реформировавший отдел разведки, через три года был послан в Индию с важными

военными заданиями. Его преемниками был ряд выдающихся людей, в том числе (в 1896 г.) сэр Джон Ардаг.

Рассказ о проведенных за те годы реформах в армии был бы неполон без упоминания лорда Сиденхэма, в то время капитана королевских инженерных войск Д. С. Кларка, служившего в отделе генерал-инспектора фортификации и саперных работ. Это был лучший друг британского флота среди офицеров сухопутных сил. В вопросах обороны он держался революционных взглядов, а занимаемый им пост секретаря комитета обороны колоний позволял ему проводить в жизнь свои идеи. Насущной необходимостью стало сотрудничество между армией и флотом. В одном из планов, разработанных в отделе военной разведки, указывалось, как предполагается в случае возникновения большой войны перераспределить войска, несущие гарнизонную службу в британских колониях. Но при этом не было запрошено мнение флота о безопасности и приспособленности для этих целей морского транспорта. По этой схеме предполагалось, например, перевести в Аден с острова св. Елены одного из находившихся там тринадцати солдат. Предусматриваемая этим планом полная перегруппировка военных сил привела бы к расстройству всех морских планов в самый критический момент. Упомянув этот пример, типичный для былых дней, я хотел показать, каких успехов мы добились за годы, предшествовавшие мировой войне.

Мое дальнейшее знакомство с работой военной разведки и контрразведки происходило в действующей армии. Это было во время англо-бурской войны 1899—1902 гг., когда впервые начали появляться заместители генерал-адъютанта по разведывательной службе в штабах дивизий британского экспедиционного корпуса. Во время кампании 1898 г. по покорению Судана Китченер организовал отдел полевой разведки, но я ручаюсь, что его задачи не были ясно определены. Традиция сказывалась.

Находясь при главной квартире лорда Робертса в Блумфонтене, я работал некоторое время с такими коллегами, как, например, фельдмаршал сэр Уильям Робертсон (в то время капитан), а затем я был откомандирован к одной из дивизий на смену сэру Джорджу Милну (в то время бывшему капитаном артиллерии; в настоящее время он — фельдмаршал, начальник имперского генерального штаба), который вызывался в главную квартиру лорда Робертса для выполнения других обязанностей. Тут я обнаружил, что молодого офицера разведки рассматривают как ма-

стера на все руки и на него возлагают самые странные и самые разнообразные обязанности.

В небольшой армии Китченера, покорившей Судан, штабные офицеры постоянно меняли свои обязанности, а Китченер лично выполнял большую часть работы своего штаба. Этот метод использования людей укоренился в практике, и офицеры разведки выполняли так много чужих обязанностей, что для собственной работы у них оставалось мало времени. Так, в Южной Африке я оказался вскоре чем-то вроде мэра одного занятого нами города. Мне пришлось организовать там полицейскую службу, заботиться о выпечке хлеба для войск, успокаивать бурских старух, жаловавшихся на нехватку спичек. Такие функции, как реквизиция овец (дело интендантства), ответственность за охрану сотен пленных, за их оружие, коней, лошадиную сбрую, также входили в мои обязанности. И все это в дополнение к важной работе по определению местонахождения неприятеля, изготовлению карт, подготовке проводников и переводчиков — словом, ко всем обычным делам, входящим в круг обязанностей современного офицера разведки. Притом у меня не было ни канцелярии, ни сотрудников.

Южноафриканская война на некоторое время пробудила среди английской публики интерес к реформе армии. Тогда разведывательный отдел военного министерства был расширен и его влияние беспрерывно росло. В 1901 г. он был переведен в Винчестер-хауз, близ старого помещения военного министерства на улице Пел-Мел, а когда министерство перешло в нынешнее внушительное здание в Уайтхолле, военная разведка и секретная служба впервые оказались под одной крышей с высшими военными учреждениями.

Инициатива создания генерального штаба, важным делом которого является разведка, принадлежит покойному Арнольду Форстеру, предпринявшему этот шаг незадолго до того, как он покинул пост военного министра в кабинете консерваторов, вышедшем в отставку в 1905 г. Заслуга преобразования британского генерального штаба на его нынешних основаниях принадлежала покойному лорду Холдену. Это был лучший из всех наших военных министров; он явился создателем того небольшого экспедиционного корпуса, который вызвал восхищение врага при отступлении от Монса в 1914 г.

Начиная с 1906 г. серьезность германской угрозы становилась все более очевидной для всех мыслящих военных и

для очень немногих видных государственных деятелей, но эту угрозу понимала лишь весьма ничтожная часть нации в целом. Общественное внимание было занято главным образом внутренними делами, в том числе и волнениями в Ирландии.

Не так обстояло дело в высшей военной школе в Кемберли. Как один из руководителей этой школы в 1904—1908 гг. я поддерживал постоянный контакт со своим старым другом и соучеником по военной школе, ставшим главой отдела военных операций. Разведывательный отдел был подчинен его контролю. Я совершенно уверен в полноте той информации об иностранных армиях, которую доставлял его отдел тем, кто нуждался в ней для разработки планов операций нового, созданного им (Холденом) экспедиционного корпуса при всех мыслимых обстоятельствах против армии любой страны. Разведывательный отдел военного министерства состоял в то время из подотдела географического и стратегического; последний занимался разработкой реальных планов — наряду с нашими примерными теоретическими проектами. Вскоре был создан еще Особый отдел, которому была доверена наиболее секретная работа. Ниже мы столкнемся с его деятельностью по раскрытию иностранных тайных агентов.

Здесь мы снова на некоторое время можем оставить разведывательную службу военного министерства. В начале 1908 г. я стал начальником штаба британской армии в Южной Африке, главнокомандующим которой был лорд Метьюэн, с самостоятельным, находившимся в моем ведении, отделом разведки. То был критический период, когда создавался союз прежних южноафриканских колоний, и мое внимание было занято главным образом волнениями среди туземного населения, а также положением в германских колониях Юго-западной Африки. Я не стану распространяться на тему о туземных волнениях: чем меньше говорить об этом, тем лучше. Торговцы наживали большие прибыли, доставляя крупные партии современного оружия в Базутоленд. Некоторые органы прессы и официальные лица сомнительной репутации постоянно без каких-либо причин кричали о столкновениях с туземцами, надеясь, повидимому, нажиться на войне. Моя разведывательная служба дала мне возможность доложить верховному комиссару лорду Сельборну, что для подобных слухов нет никаких оснований. Желая положить конец этим слухам, он распорядился открыть ранее закрытые проходы на Дракенсбергском хребте, между Базутолендом и На-

тalem. В сопровождении лэди Сельборн он затем проехал в фургонах, без всякого военного эскорта, из Оранжевой республики с запада на восток через Базутоленд в Наталь. Но даже после этого наглядного урока слухи о войне не прекратились.

Главным обстоятельством, содействовавшим пополнению наших сведений о германской Юго-западной Африке, был разрыв кабеля в Свакопмюнде в 1911 г., примерно в период агадирского инцидента 1911 г. Немцы в то время начали приводить в действие свои планы обороны, полагая, что война уже объявлена. Я узнал, таким образом, все детали их планов, и это оказалось для меня чрезвычайно полезным в августе 1914 г., когда военное ведомство поручило мне сделать доклад по этому вопросу.

В то время как я находился в Южной Африке, покойный лорд Хейг был начальником генерального штаба в Индии; кроме того, по всей империи было рассеяно много новых офицеров генерального штаба. Мы договорились между собой, независимо от военного министерства, каждый месяц снабжать друг друга сообщениями о событиях, происходивших в разных частях света. Таким путем обмен информацией происходил гораздо быстрее, чем при пересылке ее через Лондон. Эта система действовала прекрасно.

После возвращения в Англию в 1913 г. я был переведен из военного министерства в адмиралтейство; но я с интересом продолжал следить за деятельностью моих прежних коллег в армии. В военном министерстве была небольшая секция разведывательной службы, занимавшаяся раскрытием шпионов. В мирное время в ней состояло 14 человек; в конце 1918 г. число ее сотрудников выросло, примерно, до 800. С самого начала Комитетом имперской обороны была установлена телеграфная цензура; для почтовой цензуры также содержался огромный специальный штат, насчитывавший во время войны до 4 тыс. человек. Эта работа включала исследование миллионов почтово-телеграфных отправок, для чего была необходима помощь экспертов, владеющих всеми языками мира; нужны были и химики, которые должны были раскрывать тайны разнообразных невидимых чернил, применявшихся германскими агентами; искусные расшифровщики здесь работали над разгадыванием самых запутанных шифров. Кроме этого, приходилось заниматься пропагандой, контрпропагандой и разными другими делами.

Когда в январе 1916 г. лорд Китченер провел реорганизацию генерального штаба, Особый отдел стал большим

государственным учреждением с директором во главе, и его деятельность распространилась не только на армию, но и на все остальные виды вооруженных сил. По каким-то соображениям этот большой департамент, насчитывавший уже в феврале 1915 г. 6 тыс. сотрудников и обслуживавший ряд других ведомств, продолжал оставаться в подчинении у военного разведывательного отдела, хотя деятельность последнего была связана только с чисто военными операциями. Такая структура была ошибочной.

Больше всего нам придется говорить о деятельности той секции Особого отдела разведки, которая занималась контрразведкой. Эта работа включала контроль над иностранными подданными (в Англии проживало около 30 тыс. немцев) и нежелательными элементами. Этот контроль проводился совместно с министерством внутренних дел. Контрразведка совместно со Скотленд-ярдом раскрывала и предавала суду тайных вражеских агентов. Кроме того, она занималась тщательной слежкой за всеми портами и пограничными пунктами, через которые происходило передвижение гражданского населения в зону военных действий или обратно. Вдобавок ко всему этому приходилось тщательно выяснять подноготную каждого иностранца, желавшего поступить на военный завод, в организацию Красного креста или в какое-либо другое учреждение, где открывалась особая возможность для подрывной работы или шпионажа. Необходимо было также контролировать аналогичную работу по всей империи и следить за мятежными движениями в Индии и на Дальнем Востоке.

Иногда я задавался вопросом: вспоминали ли во время войны многочисленные сотрудники военной разведки и Особого отдела о той небольшой группке военных, которые после крымской войны работали в каретном сарае и конюшне Уайтхолла и которых перебрасывали из одного помещения в другое, до тех пор пока в начале столетия не разместили в новом здании военного министерства? Вероятно эти люди были слишком заняты задачами текущего момента и не могли предаваться воспоминаниям. Но я содрогаюсь при мысли о том, что случилось бы с нашей страной, если бы ко времени великого потрясения 1914 г. не существовало прочно организованной разведки, фундамент которой заложили первые пионеры этого дела в те старые годы, когда лишь немногие из высших военачальников уделяли этому делу сколько-нибудь внимания.

В одной из следующих глав мы приведем примеры тех услуг, которые контрразведка оказала делу достижения

победы. В то время я имел счастье быть в дружеских отношениях с одним из таинственных сотрудников этого учреждения. Он носит много знаков отличия, но мало кто знает, с каким полным основанием они заслужены. Это неизвестное лицо мы будем называть «Иксом».

ГЛАВА II

ЛИЧНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ О РАБОТЕ В ВОЕННО-МОРСКОЙ РАЗВЕДКЕ

(1886—1890)

До 1887 г., насколько мне известно, в британском адмиралтействе не существовало самостоятельного отдела, специально занимавшегося собиранием и разработкой сведений об иностранных военных флотах и береговой обороне. Некоторые сведения, ценные для судостроителей, сообщались военно-морскими конструкторами. Гидрографический отдел занимался преимущественно составлением навигационных карт для моряков всего мира, но топография суши в большинстве случаев наносилась на эти карты слишком неточно, и потому они не имели никакого значения для целей нападения или береговой обороны. С известной точностью были отмечены лишь пункты, имеющие значение для навигации; все, что касалось суши, наносилось на карты грубо, на-глаз, без картографической съемки. Добавочную информацию, которая могла бы принести пользу при десантных операциях, можно было найти в выпускаемых тем же отделом адмиралтейства лоциях и мореходных инструкциях. Был также справочник о доках всего мира «Док-бук» и «Карта угольных станций и телеграфной связи», на которую были нанесены главнейшие угольные базы и телеграфные кабели.

Когда покойный сэр Джордж Трайон, адмирал с передовыми взглядами, состоял секретарем адмиралтейства, он использовал свое влияние для учреждения «Комитета иностранной разведки». Этот комитет, возглавлявшийся морским офицером, должен был разрабатывать всю доступную ему информацию, которая могла бы оказаться полезной для адмиралтейства. Вообще тогда полагали, что после составления сводки собранных сведений потребуется лишь небольшое количество работников для пополнения этой сводки. В первоначальном проекте нового здания адмиралтейства, занимающего теперь все пространство от Пел-Мел и Конногвардейской площади до Уайтхолла, для

отдела военно-морской разведки были отведены всего две небольшие комнаты. Теперь этот отдел занимает значительную часть огромного здания.

Мои личные воспоминания о работе в старом здании могут представить известный интерес для читателя.

Весной 1886 г. я шел по Хангрфордскому мосту через Темзу, направляясь от Ватерлооского вокзала к Уайтхоллу. Со мной шел попутчик, с которым я познакомился в поезде. По дороге обнаружилось, что мы оба держим путь в адмиралтейство. Я тогда был младшим офицером морской артиллерии, только что окончившим трехлетний срок морской практики. Мой попутчик занимал крупный пост на гражданской службе и работал также в секретариате адмиралтейства, которым тогда заведывал сэр Эван Мак-Грегор. Узнав, куда я направляюсь, он сказал: «В таком случае вы, должно быть, офицер новой разведки». Тут он и посвятил меня в некоторые тайны моей новой работы, которую я должен был выполнить в качестве сотрудника Комитета иностранной разведки, учрежденного при подотделе военных, секретных и политических вопросов, входившем в состав секретариата адмиралтейства. Все мое участие в качестве молодого морского офицера в поддержании британской морской мощи до тех пор состояло в том, что в течение своей трехлетней службы на флагманском корабле средиземноморской эскадры я через день нес дежурство, отдавал честь адмиралам и в промежутках проверял часовых. У нас говорилось, что самыми большими бездельниками на британских военных кораблях являются капеллан, который не делает ничего, и старший морской офицер, который делает еще меньше, так как за него все делают два младших офицера. На мою долю приходилась третья часть этого трехлетнего ничегонеделания — плохая подготовка для офицера разведки, прежнее образование которого также было недостаточным. В артиллерийской школе в Истнее, на борту старого крейсера «Экселлент» и в минной школе в Верноне я научился обращаться с любым орудием как на море, так и на суше, с применяемыми во флоте торпедами и минами, но неизмеримо было мое невежество в области международных дел, географии и новых языков. Надо полагать, что решающим обстоятельством, приведшим к моему назначению в разведку, было донесение капитана первого корабля, на котором я служил, покойного сэра Генри Ройсон, что я проявляю «такт в обращении с людьми», что в течение трех лет я отличался трезвым поведением (если бы этой

оговорки не было, то во флоте в те времена само собой подразумевалось бы обратное) и что он вполне доволен мной.

Во главе Комитета иностранной разведки стоял покойный капитан В. Х. Холл — отец сэра Реджинальда Холла, бывшего в то время гардемаринком и ставшего впоследствии, во время мировой войны, знаменитым в качестве руководителя военно-морской разведки адмиралтейства.

Правила, которыми в те далекие времена руководствовались высокопоставленные лица, отвечавшие за оборону Британской империи, напоминали непочтительной молодежи фразу из одной старой пьесы: «Все уладится этой ночью». Никакой подготовки к войне не было. Когда обострялись отношения с какой-либо иностранной державой — обычно с Россией, — наступала всеобщая паника. Палата общин поспешно отпускала военные кредиты, и это успокаивало общественное мнение. Конфликт с Россией в 1878 г. (период «почетного мира») вызвал к жизни «джингоистов», которые в своей ура-патриотической песенке хвастливо заявляли, что, если дело до драки дойдет, — у нас и корабли, у нас и люди и деньги для победы! Такой взгляд был распространен больше среди широкой публики, чем среди специалистов в Уайтхолле и, я думаю, также среди экспертов русской разведывательной службы. Британский флот предотвратил занятие Константинополя русскими войсками; но броненосцы не могут взбираться на горы, а Индия вечно была озабочена пресловутым продвижением России к ее северо-западной границе. Угроза, вызванная в 1885 г. русско-афганским конфликтом в Пенджахе, снова вызвала острую панику в Индии и в Лондоне; общественное мнение было взбудоражено, и дождем сыпались запросы в Комитет иностранной разведки при адмиралтействе.

Мало известен тот факт, что во время пенджахской угрозы мы не были готовы к войне. Мобилизация флота тогда не могла быть проведена. Это обнаружил покойный лорд Бересфорд (в то время лорд Чарльз), когда он в 1886 г. был назначен младшим морским лордом адмиралтейства. Он пришел к заключению, что в случае внезапной войны в военно-морских делах наступит полнейшая неразбериха и что Британия может потерпеть поражение на море. Коллеги лорда Бересфорда не обращали ни малейшего внимания на его предупреждения, но он добился разрешения морского министра сэра Джорджа Гамильтона сделать доклад о положении премьер-министру

лорду Солсбери. Последний, обсудив положение с тремя старшими адмиралами, не входившими в состав адмиралтейства, предписал морскому министру учредить как можно скорее разведывательный отдел для нужд военно-морского флота.

Старое адмиралтейство было привлекательным местом, где можно было работать в обществе приятных сослуживцев. Это были культурные люди, в большинстве с университетским образованием, писавшие на хорошем английском языке и прекрасно справлявшиеся с делами самого учреждения и с перепиской с другими отделами. Секретариат адмиралтейства представлял собой замкнутый круг, и морские офицеры туда не допускались на постоянную работу. В Комитете иностранной разведки было несколько моряков, но их только-только терпели, и то лишь потому, что они были необходимы в делах, требующих специальных познаний. Работа по управлению флотом в мирное время успешно выполнялась штабом, и если случалось, что министерство иностранных дел вдруг потребует в самом спешном порядке — как они выражались — «отправить канонерку» для подкрепления своих требований в той или иной части света, то военный корабль сразу появлялся в нужном месте. Работа шла гладко, за исключением небольших инцидентов, которые иногда нарушали монотонность рутины мирного времени.

Моему начальнику капитану Холлу временами приходилось преодолевать мертвый груз равнодушного отношения к тому уроку, который немцы дали армии в 1870 г. Урок этот заключался в том, что в современных условиях войну можно выиграть только при условии тщательной подготовки к ней задолго до начала военных действий. А для того чтобы провести такую подготовку, необходимо было прежде всего иметь как можно больше сведений о флотах иностранных государств, об их береговых укреплениях, путях сообщения и других подобных вопросах.

Обо всем этом знали в адмиралтействе очень мало, так как никто этими делами не занимался. Лорд Чарльз Бересфорд, будучи младшим морским лордом, настаивал на необходимости выработать «план кампании», и его нельзя было заставить успокоиться. Какой-то остроумный карикатурист, сотрудник адмиралтейства, подражая широко известной рекламе, изобразил лорда Чарльза в виде пухлого голого младенца, старающегося вылезть из ванны, чтобы достать лежащий на полу кусок мыла с этикеткой «План кампании». А под рисунком было написано: «Он не

успокоится, пока не достанет его». Он и его единомышленники добились в конце концов разработки такого плана, но это произошло лишь накануне великого испытания, начавшегося в августе 1914 г. Высшее начальство старого флота относилось с большим предубеждением к идеям младших офицеров. Я помню случай, когда один из лордов адмиралтейства на одном важном предложении сделал пометку: «По какому праву выдвигает этот лейтенант подобное предложение?». Это относилось к покойному адмиралу британского флота сэру Доветону Спарди, бывшему в то время лейтенантом на флагманском корабле североамериканской эскадры и предлагавшему учсть при формировании резервов для флота симпатии прибрежного населения Канады.

В такой обстановке я начал, около сорока лет назад, свою новую карьеру, весьма привлекательную для юноши, так как разведывательная работа была связана с проблемой шпионажа, которой я интересовался с раннего детства.

Капитан Холл сообщил мне, в чем должна состоять моя работа, и я до сих пор помню его инструкции. Я должен был изучить все, что касалось британских защищенных гаваней как в самой Англии, так и вне ее, их укреплений и оборонных средств, имеющих значение для флота; я должен был собрать сведения о средствах связи (подводных кабелях) британских и иностранных, об иностранных орудиях (морских и береговых), об орудийных установках, боевых припасах, броне, прожекторах, торпедах, подводных минах, а также «об экспериментах, проводимых в этих областях». К этим вопросам вскоре была добавлена еще тема: «британская и иностранная торговля; оборона и нападение». С самонадеянностью юности я с радостью взялся за работу. Но это были зачатки дела, семена, которые к концу мировой войны дали огромные всходы.

Капитан Холл добавил, что ему хотелось бы, чтобы я начал с Гонконга, так как наши адмиралы не знают состояния береговых укреплений, а это может привести к неприятным последствиям.

Отыскав с помощью географического атласа местонахождение Гонконга, я уселся за стол, заваленный большим количеством бумаги, деловыми папками и канцелярскими принадлежностями, и приступил к работе офицера разведки. Так началась моя многолетняя работа в этой интереснейшей области деятельности на суше и море. За другим столом в той же комнате сидел гражданский чиновник отдела секретариата адмиралтейства Грэхэм Грин, став-

ший впоследствии во главе этого отдела. Он был для меня образцом усидчивости и рвения к работе; он всегда приходил первым, уходил последним; он завтракал, не отрываясь от служебного стола, заваленного бумагами. От него я узнал также секрет успешного проведения дел через правительственные учреждения Уайтхолла. Он рекомендовал не обращаться непосредственно к начальнику того или иного ведомства; нужно предварительно подготовить почву при помощи его сотрудников — лучшими мозгами в учреждении обладает иногда самый мелкий чиновник, идите к нему и поговорите с ним. Прежде чем писать официальное письмо в другой отдел, лучше всего зайти туда и, если возможно, самому там же составить желаемый ответ.

Остальные два стола были заняты морскими офицерами. Все страны мира были разделены на две группы. Эти офицеры должны были собирать разнообразные сведения о военно-морском флоте, доках и береговых укреплениях других стран. Мы имели для собирания сведений на всю Европу только одного разъездного военно-морского атташе. Британский флот занимал преобладающее положение в мире. Британия всеми признавалась «владычицей морей», и мы так низко расценивали флоты других стран, что представителям иностранных держав разрешали почти свободный доступ во все наши доки и в другие морские предприятия и учреждения. Считалось, что, чем лучше они будут знать наш флот, тем меньше будет опасность осложнений с иностранными державами. Я вспоминаю, что в одном случае разведывательный отдел военно-морского флота США оказал нам большую услугу: ему мы обязаны первым знакомством с карточным каталогом для классификации сведений, присланным нам из США. Мы были слишком консервативны, чтобы сразу вводить карточную систему; всю собираемую мною информацию я записывал в огромные гроссбухи. Теперь отдел разведки, вероятно, набит такими карточками.

В феврале 1887 г. стараниями лорда Чарльза Бересфорда и других был учрежден Отдел военно-морской разведки; в состав его вошел наш Комитет иностранной разведки, который был несколько расширен и стал называться подотделом разведки. Был создан также небольшой подотдел мобилизации. Начальниками этих подотделов были, соответственно, капитаны Эрдли Вильмот и Кастенс (ныне адмирал сэра Реджинальд). Работа была напряженной и временами очень скучной. Мы работали в учреждении 6 дней в неделю, около 9 часов в день, и часто брали еще

работу с собой на дом. Большая часть времени уходила на классификацию сведений и составление сводок; информация стекалась к нам в большом количестве. Эта работа заменила те опасные приключения в чужих странах, о которых я прежде мечтал.

Капитан Холл, наш начальник, служил нам достойным примером. Вполне я оценил его только тогда, когда стал бывать у него дома, где познакомился и с его семьей. Он работал дома перед завтраком с 5 до 8 час. утра. Он приходил в адмиралтейство к 10 час., работал там до 7 час. вечера, а после обеда еще работал дома часа полтора. Он умер вскоре после ухода из адмиралтейства, но ушел он тогда, когда уже были заложены крепкие и надежные основы для созданного впоследствии огромного военно-морского штаба, начавшего разработку планов и включавшего отделы: разведывательный, исторический и мобилизационный. Холлу следовало бы поставить памятник в адмиралтействе.

По временам происходили интересные инциденты, и один из них дает мне повод рассказать некоторые подробности о том, каким образом добывалась собираемая нами информация. Выше уже упоминалось о Гонконге. Однажды я получил ценное сообщение от молодого армейского офицера, служившего там в гарнизоне. Мы почти ничего не знали об орудиях на укреплениях Владивостока. И вот однажды этот предприимчивый молодой офицер направился туда, пробрался во время метели, когда часовые укрывались от непогоды, за линию укреплений и получил полную информацию. Имея в виду близость Сибири, о которой рассказывались всякие ужасы, от этого офицера требовалось большое мужество, чтобы предпринять подобное дело по собственной инициативе.

Воодушевленный его примером, я решил использовать несколько дней отпуска для того, чтобы во время ближайшей метели навестить наших друзей по ту сторону Ламанша, разумеется, вовсе не из чувства враждебности по отношению к французам. Разведывательные учреждения собирают информацию обо всех государствах, в том числе и о дружественных; никогда нельзя знать, что произойдет в будущем. В то время немцы убеждали нас усилить наш флот в ответ на французскую программу военно-морского строительства. Могущественный британский флот вообще считался лучшей гарантией мира в Европе.

Я побывал в Дюнкерке, Кале и Булони. Был жестокий

холод, все искали от него убежища, и я уберегся от подозрительных взглядов. Какой-то паникер, обладающий пылким воображением, увидев производившиеся в порту в Дюнкерке строительные работы и прокладываемую вдоль набережной железную дорогу, пришел к заключению, что все это предпринято с целью сосредоточения войск для неожиданного нападения на Англию. А кроме того, мы ничего не знали о фортах, защищающих Кале и Булонь, несмотря на непрерывный поток британских туристов и путешественников, проезжавших эти места или живших там в течение ряда лет.

Я плохо знал тогда правила подобного шпионажа, так как это был мой первый опыт. Вообще, когда мне приходилось посещать иностранные государства в мирное время, я никогда не скрывал, что ношу звание офицера британской службы. Однажды ко мне подошел явный провокатор и предложил купить у него планы одного укрепленного пункта. Я ответил, что они меня не интересуют. Строительство форта еще не было совсем закончено, и мне нужно было только узнать, содержится ли там гарнизон. Я уже знал об этом до предложения провокатора: солдаты этой страны носят сапоги, на подошве которых гвозди расположены особым узором; дорога, ведущая к форту, была грязная, и на ней виднелись следы многочисленных солдатских сапог, а отсюда легко было сделать вывод о существовании гарнизона.

Всякий офицер, знающий свое дело, может издали увидеть то, что ему надо знать относительно береговой обороны иностранного государства. Чтобы подавать снаряд для тяжелого орудия, применяются подъемные краны; эти краны бывают различных размеров и видов, в зависимости от типа артиллерийского орудия. В печатных военных справочниках можно найти снимки этих кранов, и когда эти подъемные краны виднеются на горизонте, то все остальное становится ясным. Если нужно было видеть внутреннюю часть форта, то обычно по соседству попадался высокий маяк, который можно было посетить за небольшую плату. Во время упомянутой поездки во Францию я подошел к одному маяку и спросил у маленькой девочки, можно ли *ascendre* (подняться вверх): это было единственное слово, которое я знал тогда по-французски. Она убежала от меня, и мне оставалось только надеяться, что отец ее не солдат и не жандарм. Я не сел в тюрьму из-за этого инцидента, но я был рад, когда благополучно прибыл в Дувр. У моих соседей за табль-

дотом в постоянных дворах, где я останавливался, созда-лось, кажется, впечатление, что я навещал в метель эти приморские курорты с целью найти пансион подешевле, куда летом можно было бы привезти мою жену (в природе не существовавшую). Разумеется, я знал по-французски слишком мало для того, чтобы сознательно внушить такое впечатление. Я помню, что расспрашивал, как пройти к морю, а людям казалось, что я ищу свою мать¹.

Обычно я носил свои материалы в незапертом саквояже. Мне кажется, что лучший метод хранения секретных бумаг, не возбуждая подозрения посторонних лиц, — делать вид, что они не имеют серьезного значения. Но, признаюсь, однажды, провозя планы минных заграждений портов одной крупной иностранной державы, я дрожал в глубине души, как бы мой метод не оказался ошибочным; все же эти планы были доставлены благополучно. Я помню только два случая, когда я прибегал к театральным трюкам, применяемым героями шпионских романов при перевозке секретных планов или бумаг. Однажды, проезжая по железной дороге, я неожиданно прибыл на границу ночью — раньше, чем я рассчитывал. Я ехал будто бы на охоту, и у меня было с собой много патронов; на границе с меня потребовали большую пошлину, а у меня нехватило денег. В четырех патронах у меня вместо дробы были заряжены секретные материалы, сверху забитые пыжами; я полагал, что в случае ареста я сумею уничтожить свои секретные бумаги, расстреляв патроны. Очень трудно было на границе спрятать эти четыре патрона в карман, не возбуждая подозрений. Было бы лучше, если бы я не отступил от своих обычных приемов и не пытался прибегнуть к игре в трюки.

В другой раз в туристском агентстве Кука мне сказали, что мной заинтересовалась полиция. Я решил, что для обеих сторон будет лучше, если я уеду следующим паромом. Я отправился в отель уложить свои вещи. Когда я сел за стол в своей комнате и, разложив перед собой один секретный план на очень тонкой бумаге, начал наносить на него некоторые исправления, вдруг кто-то громко постучал в дверь. Я не знаю, разгадали ли психологи тайну того подсознательного аппарата, который заставляет человека в минуты опасности действовать инстинктивно-подсознательно. Игрок в крикет иногда обнаруживает мяч

¹ По-французски слова «La mère» — мать и «La mer» — море звучат почти одинаково. — *Прим. перев.*

в своих руках, не имея представления о том, как он к нему попал, — как будто благодаря действию какого-то особого аппарата. Он и заставил меня мгновенно засунуть мой секретный план в пустую трубку, прибавить сверху немного табаку и закурить, прежде чем сказать на иностранном языке слово «войдите». Вся операция заняла у меня столько же времени, сколько уходит у игрока в крикет на то, чтобы поймать мяч. Мне хотелось бы закончить свой рассказ описанием того, как полицейские агенты, пришедшие арестовать меня, начинают обыск, а предмет их поисков исчезает на их глазах в виде трубочного дыма. Но на сей раз это была всего лишь прислуга отеля, пришедшая справиться о моем багаже.

Лишь однажды мне не повезло, и я привлек к себе внимание жандарма. Это было на Парижской выставке 1889 г., на которой я хотел осмотреть выставленные военные материалы. Жандарм запретил мне зарисовать прицельный механизм для стрельбы из судовых орудий при совершенно горизонтальном положении палубы. Этот механизм разрешал, таким образом, проблему точного прицела при обстреле береговых укреплений с корабля — проблему, сильно меня интересовавшую (галлиполийская кампания могла бы кончиться совершенно иначе, если бы мы располагали подобной аппаратурой). Этот инцидент настолько вывел меня из равновесия, что я уже не решался ткнуть зонтиком выставленные там большие орудия или постукивать по ним костяшками пальцев. Я отправил донесение о самом крупном из этих орудий. Это был экспонат какого-то нового завода, и я в своем докладе особенно подчеркивал быстроту, с которой завод изготовил такое огромное орудие. Когда донесение было отправлено, я узнал, что проклятое орудие было сделано из папье-маше. Лорд Сиденхэм (в то время капитан Кларк) и сэр Десмонд О'Каллаган (в то время капитан) донесли военному министру об этом орудии, но я упросил их не выдавать меня и не упоминать в своем донесении о папье-маше.

Примерно в то же время поднялся большой шум по поводу французского взрывчатого вещества под названием мелинит, которое, как полагали, подобно большинству новых изобретений, «произведет революцию» в способах ведения войны. Нам разрешалось заказывать на определенную сумму новые иностранные книги, относительно которых мы думали, что в них найдутся полезные для адмиралтейства сведения. Увидев объявление о книге

«Мелинит», я заказал себе один экземпляр через помощника секретаря адмиралтейства (Р. Д. Одри), который без особой симпатии относился к деятельности нового отдела морской разведки. Вскоре я получил фривольный французский роман с изображением на обложке героини, которую звали Мелинита. Я получил книгу от помощника секретаря с запиской, в которой он, передавая мне привет, спрашивал: «Разве собирание подобной информации также входит в обязанности офицеров разведки?» Совет Талейрана начинающему дипломату гласил: «Главное — не усердствуйте чрезмерно». Если он прав, то мне еще многому надо было учиться.

В те годы ходило множество рассказов о различных промахах других военных работников. Военный атташе в Париже (ныне знаменитый генерал в отставке) докладывал, что новая французская винтовочная пуля покрыта кожей («cuir»); так он понял французское слово «cuivre», означающее медь. Другие рассказы в том же роде вносили развлечение в нашу работу. Один из наших военно-морских атташе был приглашен присутствовать при испытании иностранного бронебойного снаряда, состав которого являлся секретом. Ввиду торжественной обстановки атташе явился в полной парадной форме. Присутствовало много высших иностранных офицеров. Наш атташе подобрал обломок одного из только что выпущенных снарядов, собираясь отправить его для анализа в Англию. Немного спустя окружающие с изумлением заметили, что из-под полы парадной фрачной формы нашего атташе поднимается струя дыма. Оказалось, металл был еще горячий; атташе пришлось при всей публике вытащить его на свет, хотя некоторое время он героически пытался подражать тому спартанскому мальчику, который спрятал живого лисенка под одежду и не выдал себя, несмотря на боль от укусов зверя.

Эти годы напряженной работы в центре паутины, которая должна была с течением времени опутать все части света, дали нам хорошую тренировку для будущего, и, надеюсь, я не был слишком многословен, рассказывая о них. Важнейшим результатом учреждения военно-морской разведки был полученный ею вывод, что если мы не усилим наш флот новыми кораблями и моряками, то некоторые иностранные государства легко смогут отнять у Великобритании ее историческое превосходство на море, которое не оспаривалось со времени битвы при Трафальгаре. Акт военно-морской обороны 1889 г. был проведен,

вопреки желанию адмиралтейства, под давлением общественного мнения и в результате агитации, в которой виднейшую роль сыграли: Лондонская торговая палата, лорд Чарльз Бересфорд, «Pall Mall Gazette» и ее редактор покойный В. Сид и поэт-лауреат Теннисон.

Разведывательная работа велась с минимальной затратой средств. Не стремление к наживе, а патриотизм был побудительным мотивом для тех, кто добывал информацию об иностранных флотах, береговой обороне и вооружениях. Работа требовала технических познаний, и, прежде чем отправляться на поиски новых сведений, необходимо было полностью освоить все, что уже известно. В противном случае получалось бы бесполезное дублирование. Лицам, собиравшим сведения, приходилось доверять всю ранее полученную информацию. Насколько мне известно, ни один иностранец не был привлечен к этому делу, и мы никого не соблазнили изменить его родине. С другой стороны, иностранные агенты, среди которых были и безвредные и опасные, пытались выведывать секреты у наших государственных служащих. Однажды рассыльный адмиралтейства имел серьезную неприятность. Один из лордов адмиралтейства, уходя завтракать, оставил ящик своего стола неплотно закрытым. Там было устроено приспособление, посредством которого при открывании ящика раздавался звонок в соседней комнате, где сидел личный секретарь адмирала. Как только адмирал вышел из комнаты, раздался тревожный звонок, и личный секретарь, войдя в комнату, застал у ящика рассыльного.

Мы установили, что секретные документы, которые нужно было иметь в печатном виде, оставались секретными только в том случае, если печатание производилось в типографии министерства иностранных дел; там они печатались на особой бледнозеленоватой бумаге и оттуда разносились в запертых на ключ ящиках. Бесполезно было нумеровать все экземпляры и держать под ключом те из них, которые оставались после раздачи остальных официальным лицам, — прежде всего необходимо было каждый раз уничтожать набор и сжигать все корректурные оттиски. Торговля корректурными экземплярами и даже изорванными клочками секретных материалов велась в международном масштабе и доставляла большие барыши. Об этом я снова вспомнил в 1919 г., во время мирной конференции в Версале. Свой экземпляр секретных протоколов большинства комиссий я получал через два или три дня после каждого заседания, но к тому времени

я уже знал большую часть содержания этих документов по статьям парижских газет.

Когда я оставил адмиралтейство и поступил в высшую военную школу в Кемберли, моя работа в отделе разведки была распределена между двумя секциями и во главе каждой был поставлен отдельный офицер. В дальнейшем они пустили новые ростки, а во время мировой войны из всех этих секций образовались многочисленные отделы и подотделы разведки. В 1913 и 1914 гг., работая снова в адмиралтействе, я подробнее ознакомился с деятельностью морского штаба. Тогда я разыскал в архиве много бумаг, напомнивших мне об этих прошлых днях, в том числе и вышеупомянутый план одной иностранной базы миноносцев, на котором остались следы табачного никотина. Без преувеличения можно сказать, что на той работе, с которой в мирное время в восьмидесятых годах прошлого века справлялась маленькая группка сотрудников капитана Холла, во время мировой войны было занято не меньше тысячи человек.

Другая моя работа, связанная с военно-морской разведкой, была еще более интересной, поскольку я был в ней совершенно самостоятелен и имел дело непосредственно с главнокомандующим морскими силами на Средиземном море. Это была первая военно-морская база, располагавшая собственным разведывательным отделом, учрежденным между 1892 и 1895 гг. К сожалению, эта система не была распространена перед 1914 г. на все наши эскадры. Так, в начале войны на флагманском корабле австралийской эскадры еще не было ни одного офицера разведки. К каким результатам это приводило, может показать следующий пример. Главнокомандующий австралийской эскадры вскоре после начала войны получил предписание направиться к Новой Гвинее с целью уничтожить мощную германскую радиостанцию в пункте под названием Рабол. Ему пришлось вернуться, так и не разыскав эту станцию (она была найдена позже). Вообще в августе 1914 г. мы испытывали большие трудности, когда нам нужно было установить местонахождение новых германских радиостанций на Тихом океане. Сведения об этом нам были пужны безотлагательно, и на всех базах, где своевременно была учреждена разведка, подобные сведения, разумеется, были собраны. Но как бы то ни было, создание в 1892 г. на Средиземном море военно-морской разведки было значительным достижением, а к 1914 г. она уже существовала в большей части других эскадр.

В 1892 г., когда я был направлен в качестве младшего офицера на флагманский корабль сэра Джорджа Трайона, для целей разведки не отпускалось никаких средств. Для предоставления мне каюты пришлось перевести одного из младших офицеров на новую должность. Незадолго перед тем я получил небольшое наследство, которое я расходовал на работу разведки. В конце третьего года моей работы эта должность стала постоянной, хотя оплачивалась, как сверхштатная. Меня сменил на этом посту один из офицеров разведки, оставшихся после меня в адмиралтействе. Эта система постепенно распространилась на другие военно-морские базы и оправдала себя во время мировой войны.

ГЛАВА III

СЛУЧАЙНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ

Прежде чем перейти к описанию роли, которую разведывательная служба играла в отдельных событиях мировой войны, будет, пожалуй, бесполезно привести некоторые воспоминания о том раннем периоде, когда я был связан с разведывательными органами адмиралтейства и военного ведомства, история которых изложена в предыдущих главах.

Посещение Меца в 1891 г., в бытность мою слушателем высшей военной школы, ярко выделяется в моей памяти как факт, оказавший решающее влияние на мои политические взгляды. Работая в отделе морской разведки адмиралтейства, я убедился в крайней необходимости подготовки наших вооруженных сил к войне и потому считал необходимым для себя самого получить серьезное военное образование. Я посетил Мец вместе с группой студентов, под руководством профессора, покойного сэра Фредерика Мориса. Нашей целью было изучение на месте хода некоторых сражений в франко-прусской войне 1870 г. Мы действительно узнали кое-что о тактическом использовании местности, но главное впечатление, которое мы вынесли, заключалось в том, что немцы обрушились на французов, когда те еще не были готовы к войне, и таким образом выиграли войну.

Нам постоянно твердили, что тот процесс, который привел к такому результату, называется «мобилизацией», но нам очень мало объясняли, что же означает мобилизация на деле. Мы имели некоторое представление об одной